

ЛЕОНИД ЧАШЕЧНИКОВ (1933–1999)

Родился в д. Воскресенка Седельниковского района Омской области. Работал корреспондентом в районной газете «Ленинский путь» (ныне «Тарское Прииртышье»), жил в Таре, Омске, Астрахани, Подмоскovie. Окончил высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Стихи публиковались в журнале «Москва», газете «Литературная Россия», альманахе «Поэзия». Автор 10 прижизненных поэтических книг.

ГЛУХАРЬ

Но для меня в деревне той
Россия, как в росинке малой,
С ее суровой добротой.

Л. Чашечников

Лет двадцать с лишним назад жил да был в нашей деревне старик Антипыч по прозвищу Глухарь. Прозвище свое он получил за феноменальную глухоту: как только начинались осенние заморозки или весенние оттепели, Антипыч глох. Ну, не то чтобы совсем, а всё-таки недослышивал заметно. В остальные времена слуху старика могли позавидовать совы.

На бровях, на бороде, из ушей и из носа росли у Антипыча не седые, а какого-то зеленоватого цвета волосы. В моей памяти Антипыч неотделим от неказистой кобыленки Машки, такой же, как он, старой и беззубой. Работу для Антипыча и Машки в колхозе определили вполне подходящую: каждое утро он возил в соседнее село молоко с фермы, а на обратном пути забирал почту.

Хатенка Антипыча стояла на самом краю деревни. Жил он бобылем. Жена его умерла давным-давно, так и не оставив ни сына, ни дочери. Доживать бы Глухарю бирюком, да случилось такое, что немало удивило тогда сельчан.

В сорок третьем привезли в сельсовет пять эвакуированных из Ленинграда ребятшек. В этот день Антипыч, как всегда, возил

в Сосновку молоко. Как уж ему удалось утлочь сельсоветское начальство, только вернулся вечером Антипыч не один, а привез девчущку лет семи-восьми – худущую, всю в коростах и стриженную наголо.

Повалили в хатенку бабы, причитают: «Господи, господи! И что только на белом свете дется. Глянь на девку – одни мощи святые. Чай, не выживет, сердешная».

– Антипыч, слышь, отдай мне дитя, – пристала к старику Матюшиха. – Что ты будешь делать с девахой? За тобою за самим, как за малым, ходить надо. А мне уж до кучи: своих трое, и четвертая промеж их вырастет.

Антипыч накинудся на Матюшиху, как петух, тряся куцей бороденкой:

– Пошла вон из хаты, стрикулистка! Ишь, чего придумала – отдай. А вот этого не хочешь?

И он сунул Авдотье под нос известную комбинацию из трех пальцев.

Выдворив из прихожей баб, старик затопил баню. Бегая от колодца к предбаннику, Антипыч каждый раз приговаривал:

– Сейчас мы, Светланочка, баньку сварганим, чистое бельецо на тебя одену. В сундуке, должно, старухины чуни завалялись. Старушенция-то у меня махонькая была. Ну, а если что великовато будет, так на то ножницы имеются.

Светлана, сжавшись в комочек, молча смотрела на старика. Скуластое, не по-детски серьезное личико казалось безучастным ко всему происходящему. И только голубые, как васильки, глазенки как бы спрашивали: «А ты взаправдашний, дедушка?»

Матюшиха явилась на другой день рано утром. Девочка спала, раскидавшись на равном полушубке. Авдотья, как увидела ребенка, так и села на лавку, сотрясаясь от смеха. Глухарь, опершись на сковородник, склонив голову, молча наблюдал из кути. Только когда она успокоилась, старик, взяв сковородник наперевес, угрожающе двинулся на нее.

– Ты чего ржешь, как застоявшаяся кобыла, аль не видишь, дите спит?

– Да ты посмотри, старый гриб, на кого она у тебя похожа?

Светланка лежала в широченной бу-мазейной кофте, рукава и подол которой вкривь и вкось были обкромсаны овечьими ножницами.

– А ты вместо того чтобы зубы скалить, взяла бы да и перешила старухины тряпки. Иди в горницу, поройся в сундуке. Может быть, и своим огольцам что-нибудь выкроишь.

Матюшиха нырнула в светелку, а Антипыч, чертыхаясь, стал скоблить сковородку, на которой блин сгорел в уголь.

Проснулась Светланка. Жмурясь от солнечного лучика, она робко оглядывала прихожую.

– Ну, вставай, внученька, умывайся. Сейчас завтракать будем. Я тебе блинков испек, маслица растопил. А хошь – в медок макать будем. Молочка парного тетка Авдотья принесла.

– А у меня дедушка без бороды и в очках был, – в первый раз за два дня промолвила девочка. – А еще он умер зимой в блокаду. И мама умерла, и братик Женька умер. А папку на фронте еще до блокады убило.

Через открытую дверь было видно, как Матюшиха сосредоточенно рылась в сундуке, неистово швыряя носом.

– Дедушка, а ты меня в Ленинград обратно не отправляй, пока война не кончится. Там очень холодно и есть нечего. А я тебе воду носить буду, за хлебом в очереди стоять. И карточки не потеряю. Наташка Литвинова раз потеряла, так они с дедушкой в тот же месяц от голода умерли. А я не потеряю, я уже большая.

– Зачем же я тебя в Ленинград отправлю, глупая, раз у тебя никого там в живых не осталось? Будем с тобой потихоньку жить – старый да малый. Будешь с ребятишками в лес по грибы, по ягоды ходить. В лесу хорошо! Птицы так славно щебечут, дятел по сухо-стою, как плотник, стучит: тук-тук, тук-тук... Ну, беги умывайся, да за стол будем садиться.

Авдотья тем временем собрала в узел пожитки, концом платка утерла заплаканные глаза и вышла из горницы.

– Ты, Антипыч, вот что: не держи при себе девку. Нечего ей с тобой, старым сы-чом, взаперти сидеть. Ей сейчас с ребятиш-ками больше водиться надо, в игры играть. Так она скорее злое забудет. Сейчас я Васятку с Манькой пришлю, так ты не задер-живай, слышь, что ли... Не кукла она тебе, а человек живой. А за молоком ни к кому не ходи, сама носить буду. – И уже с порога: – Туески новые ребятишкам сделай да распи-ши побассе. Земляника на дальних еланях поспела.

Все лето бегал я к Антипычу. Вдвоем с Авдотьиным Васяткой мы носили дрова, тас-кали с речки воду на питье. Светка к осени поправилась. Играть в девчоночьи игры она не любила, больше держалась нашей маль-чишечьей компании. Все дни мы пропадали в лесу или на речке. Светка научилась лазить по деревьям не хуже нас с Васькой. Заберет-ся на самую вершину высоченного кедра и кричит: «Берегитесь, фрицы! Бомбить сей-час буду!» И начнет кедровыми шишками пуляться. И всё в макушку угадать норовит. Отчаянная девка была...

Эх, да что там тянуть! Утонула наша Светланка, на второе лето утонула.

Деревня-то наша, Воскресенка, на речке Инцы стоит. И речка, как говорят, воробью по колено, курице по щиколотку. Но воз-ле кузни перегородили речушку плотиной, и разлилась она в большущий пруд. Зима в тот год была снежная. Сугробы под самую крышу стояли. А когда стаял снег, речка-то и разлилась так, что хоть пароход впору пус-кай. А у плотинки падает вода вниз со ство-ра, что твоя Ниагара.

Ну, значит, отправились мы в начале июня купаться всей оравой. Светка говорит:

– Я вас баттерфляем плавать учить буду. А то только умеете по-собачьи да саженьками.

Скинула она платьишко – и бултых воз-ле самой плотины. Мы и ахнуть не успели,

а вода подхватила ее и потащила на сброс. Внизу под плотиной бревнами выстлано, сваи набиты. Сразу насмерть ее. Виском об сваю ударило.

Вытащили мы ее, трясем, ревом с Васькой. Из кузни дядя Федор выбежал, услышав наш вой. Взял ее на руки да и понес. Идет по деревне, плачет беззвучно, только слезы в два ручейка текут по прокопченным щекам.

Пока дошли до хаты Антипыча, образовалась целая процессия. Бабы голосят, а подвечернее эхо, подхватив их плач, множит этот странный хор на десятки тысяч голосов. Казалось, что плакало всё вокруг: и дома, и леса, и багровая заря, охватившая полнеба.

Антипыч, как увидел дядьку Федора с мертвой Светкой на руках, так и сел на крыльцо. Ни до этого, ни после я не видел, чтобы так плакали. Сухие, безумные от отчаяния глаза, конвульсивно вздрагивающие плечи, вся его сухонькая сгорбленная фигурка безмолвно кричала от свалившегося на нее великого горя.

...Светлану хоронили в воскресенье. Не было в деревне человека, который остался в этот день дома. И хотя до кладбища добрых пять верст, даже самые древние старики шли за гробом до самой могилы. Антипыч совсем обезумел и всё порывался кинуться в яму. Обессилевшего, его усадили на телегу и вместе с мальми ребятишками и безногим Филиппом увезли в Воскресенку.

Дома его уложили в постель, у которой по переменке дежурили тетка Авдотья и мы с Васяткой. В бреду он всё говорил: «Прости меня, внученька, не доглядел. Мне бы туда надо. Вранье всё, что бог есть. Если бы он был, он бы не допустил такой несправедливости. А если он и есть, то он, как фашист, жесток и кровожаден. Мало ему смертей на войне».

Антипыч вскакивал с кровати и бросался к иконам, иступленно крича: «Возьми и меня, ирод ты этакий! Молчишь? И вправду сказать – на что я тебе, старый хрен, нужен».

Потом, сжавшись в комок, снова еле слышно шептал: «Прошляпил, недоглядел...»

Нам с Васькой было страшно в такие минуты, и мы бежали за теткой Авдотьей. Матюшиха приходила с бутылкой самогонки, наливала старику полный стакан и заставляла выпить. Он выпивал его залпом и вскоре запевал:

«Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя родня».

И снова нам было страшно смотреть на него, слушать это хрипкое пение.

Изо дня в день до самой осени Глухарь ходил на могилу к Светлане. Он совсем опустился, иссох. Теперь уж он сам каждую неделю курил в бане самогон. Придет с кладбища, нальет трясущимися руками стакан, выпьет и запекает:

«Позабыт, позаброшен с молодых юных лет.
Я остался сиротой, счастья доли мне нет».

Однажды, в середине октября, придя с кладбища, он послал меня за теткой Авдотьей. Когда она явилась, сказал:

– Ну, вот что, Авдотья, я сегодня умирать буду. Гроб в чулане стоит, рожь в нем засыпана. Лет пятнадцать назад еще приготовил, да, вишь, зажился. Хороните рядом с внучкой. Старуха, она не обидится, мы ведь с ней вроде как без любви жили. Да и давно то было. А теперь уходи и ребятишек уводи, один умирать буду, как и положено бобылю. Самогонку унеси, трезвым хочу господу богу представиться. Сурьезный разговор у меня к нему есть.

– Будет балобонить-то, – проворчала Матюшиха и полезла в подпол. – Совсем от вина-то рехнулся.

Вытащив четверть, она подтолкнула нас к выходу. Дорогой Авдотья всё время ворчала: «Ишь, по заказу умирать собрался. Видать, с горя да сивухи свихнулся».

А Глухарь и вправду в эту ночь умер.

Как сейчас вижу: лежит он на лавке под прокопченными иконами, в синей косоворотке, подпоясанной белым шелковым пояском, и держит в руках толстую стеариновую свечу. И лицо совсем не похоже на лицо мертвеца. Казалось, ехал-ехал на своей таратайке, приморился и заснул. Вот встряхнет его сейчас на ухабе, он шустро вскочит, взмахнет свечой, как кнутом, и крикнет: «Ну, пошла, Мария, еж тебе под шлею!»

...Когда я бываю в тех краях, то обязательно захожу на тихое кладбище. Под развесистой сосной за деревянной некрашеной

оградкой две могилы – большая и маленькая. А в ногах разросся большущий куст вереска. Я прихожу сюда поразмыслить о жизни.

Была война, жестокая, опустошающая. Миллионы жизней она унесла в России, десятки сирот и вдов остались в моей родной деревне. А вот, поди ж ты, одна нелепая смерть так запала в душу. И еще я каждый раз думаю о старом Глухаре, о маленьком немощем старикашке с большим человеческим сердцем.

---

* Чашечников Л. Глухарь // Ленинский путь. 1966. 4 нояб. С. 4.